

АКТУАЛЬНАЯ НОСТАЛЬГИЯ

Экран и
сцена -
1998 - март
(~9) - 96.

M

одерн сиял. И было в нем что-то мучительно знакомое. Хотя строительную пыль еще не смели до конца, а публика еще не обтолпила, не обсыпала и не освоила пустых переходов, эскалаторов и тупиков впервые вспущившего ее концертного зала Российской академии наук, что на Ленинском проспекте.

Обилие мрамора и зола производило какое угодно впечатление, кроме впечатления от искусства, каковым раньше считалась архитектура. Пока еще блестящий мрамор ступеней и полов, торчащая отовсюду позолоченная фурнитура больше походят на ванну нового русского: все время ждешь, что где-то обязательно окажется пресловутая джакузи.

Но напоминало все это не новорусские прибамбасы, а что-то иное, более древнее. Латунную роскошь КДС, "стиляги среди дворян" - совместное творение Посохина-старшего и Никиты Сергеевича, эпоху позднего реабилитанта и расцвета Колмановского.

И вот они как-то странно сошлись: замшелая беспомощность архитекторов, застрявших в так и не отмеченных Богом представлениях сорокалетней давности, и автор песенок тех же лет. И выяснилось, что эфемерные звуки гораздо живее и ближе. Более того, со временем они стали еще живее, еще ближе, еще теплее, и еще нужнее.

"Алеша", "Бирюсинка", "Вальс о вальсе", "Жизнь моя кинематограф", "Тишина", "Я люблю тебя, Жизнь", "Хотят ли русские войны?"... я все 190 строк могу заполнить названиями песен Эдуарда Колмановского, и тех не хватит. Но главное - они все известны. Настолько, что легче запомнить песню, чем ее автора. Когда одна из них зазвучала в исполнении очаровательной Анны Литвиненко, мой сосед ошеломленно проговорил: "Господи, и это его песня? А что же написали другие?".

У любимых песен каждый день юбилейный

Другие написали тоже массу песен, проходящих сейчас в странной номинации "Старых песен о главном". Но Эдуард Савельевич это все-таки "особь статья".

Один из выступавших очень точно заметил, что народность песни не в постоянном звучании где бы то ни было, а в укоренности в сознании. "Из-за острова на стражень", "Священный Байкал", "Полюшко-поле" и прочие не звучат из каждого радиопрограммиста, а кто сомневается, что это народные песни, хотя последнюю написал Лев Книппер.

Народность, как известно, давняя официальная доктрина, освещенная именами графа Уварова и товарища Жданова. Но со странным постоянством представления народа и его предводителей об этой самой народности корне расходились.

Какую песню Колмановского ни возьми, ее в любой аудитории тут же подхватят и споют от начала и до конца. Даже такой, казалось бы, официоз, как "Хотят ли русские войны?". А я помню, как чуть ли не в "Правде" кто-то гневно возмутился, как это композитор посмел такую тему передать в ритме и мелодии... танго. Со всеми вытекающими отсюда выводами относительно влияния буржуазной культуры. Сейчас это смешно вспоминать. Но тогда, я думаю, Эдуарду Савельевичу было не до смеха.

Но времена все-таки уже были другие. "Мишки", "Ландыш", "Бирюсинки" оказались посильней. **Народ перепел идеологов.**

И вот время прошло еще дальше. Все изменилось еще больше (кроме, как замечено, фантазии архитекторов). Достроили задуманный еще при "совке" комплекс АН и Концертный зал при нем. (Несмотря на всю его пугающую роскошь, сам зал удобен, и акустика в нем хорошая). С чего начать его жизнь?

Алексей Черный - известный более как та-

лантивый композитор (и, к слову, блестательный аккомпаниатор), взвалил не себя ношу директора и худрука нового центра культурной жизни. А коль скоро это так, то выбор премьерной акции был почти предрешен. Московская публика помнит его концерты, посвященные советским песням (программы: "Всесоюзный Дом композиторов", "Три поколения с Эдуардом Колмановским"). А тут и юбилей подоспал - 75 лет.

Однако новоиспеченный худрук отчасти рисковал, выбрав для презентации программу с подозрительно советским названием "Я люблю тебя, Жизнь!". А потому разослав билетов "с походом".

Пришли все! И весьма вместительный новорожденный зал был забит под завязку. Люди сидели на всем, на чем можно было сидеть, поскольку мягких и удобных кресел, как пряников, не хватило на всех. Ресктабельный канал "Культура" почему-то увидел в этом недомыслие, недоработку и неуважение к зрителю, причем, преподав это как чуть ли не главную особенность юбилейного вечера. А подумать о том, что при повсеместном убеждении в засилье попсы и в потере интереса к прошлым ценностям вполне естествен страх, что никто не придет на какого-то советского классика, в голову критикам не пришло. Как не пришла и простая мысль увидеть, оценить и поддержать живые все-таки традиции и, как уже не раз подтверждалось, верную любовь к мелодичной песне. А потому старая песенная гвардия: Фельцман, Аедоницкий, Ваншенкин, Пахмутова, Фляжковский, Лядова, Казенин, Галахов, Саульский, - пришедшая почтить память коллеги и друга, была откровенно счастлива. Но особенно обилием молодежи.

- Ты знаешь, - сказал мне однажды мой тридцатилетний (а следовательно, сложившийся уже полностью в перестроочные времена) компаньон, - увидишь иногда какую-нибудь ерунду из старой хроники, типа приветствия съезду, знаешь, что бред, а уши отдыхают. Вся эта попса начинает находит.

А я вспоминаю все эти старые песни, времена, когда они впервые зазвучали. И понимаю, что были они вовсе не "о главном" в смысле официальных установок. Некоторые из них и мне поначалу казались пошлостью (особенно в некоторых исполнениях). И вообще здесь интересно и важно то, что первые исполнения устаревают, а сами песни находят новых исполнителей в следующих поколениях и как бы молодеют, "лучшают" вместе с ними. И становится ясным, что были они действительно о главном, но о другом: о наших простых, очень интимных, очень незамысловатых, а потому вечных, мыслях и переживаниях.

О "главном" гремели из уличных рупоров: "Сегодня мы не на параде, а к коммунизму на пути, в кому нести чего бригаде, с нами Ленин впереди", или такой шедевр, когда на музыку положили целую строку из Программы КПСС: "Мир, труд, свобода, равенство, братство и счастье".

А дома, на рядовых концертах, во всяких безыдейных "Огоньках" пели песни простые. Хотя надо честно признать, что Колмановский, а также Александра Пахмутова, сумели совершить почти что чудо: написать песни совершенно официозные, но которые все мы охотно и с удовольствием пели под гитару и дома, и у костра.

Все просто. Андрей Андреевич Жданов высказал в общем-то правильную мысль, да и не ему она принадлежала: душа музыки - мелодия. Он только думал, что мелодию и слова можно продиктовать из Политбюро ЦК ВКП(б).

А надо всего лишь любить жизнь и людей. Это так просто. И быть талантливым, как Эдуард Савельевич Колмановский. Это посложней. Но талантами мы пока еще богаты.

А потому мой совет директору-композитору А.Черному: возвести в репертуарный принцип монографические концерты песенной классики и вывести на сцену остальных гвардейцев, которые в тот вечер сидели в первом ряду. Не дожидаясь их юбилеев. У любимых песен каждый день - юбилейный.

Николай ЖУРАВЛЕВ